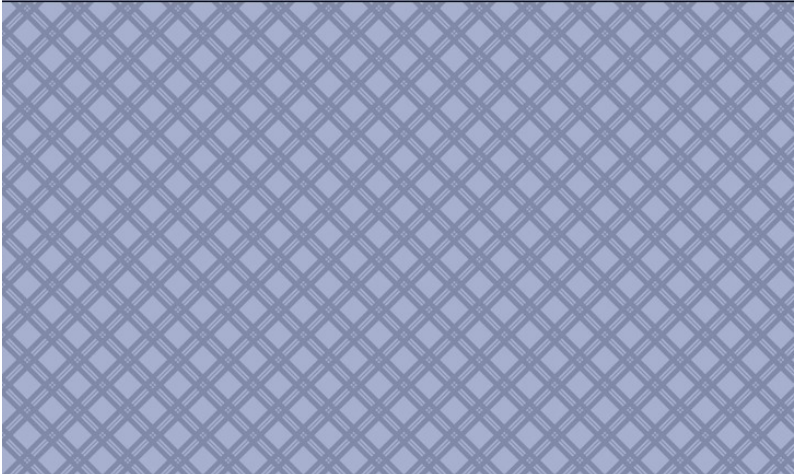

Лев Исаков

*ПОМНИ
ВОЙНУ*

Русская доля

Лев Алексеевич Исаков

Помни войну. Русская доля

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=42350346

ISBN 9785449667441

Аннотация

В главах-этюдах, выбранных автором из его книг, изданных за рубежом и преимущественно недоступных российскому читателю, война рассматривается как ИСКУССТВО К ВОЛЕ, в постижении или забытье которого поднималась, падала и опять поднималась Россия 1700—1945 годов.

Содержание

АНОНС – РЕНОМЕ АВТОРУ	5
Предисловие	10
ДИЛЕММА КУТУЗОВА-СТАЛИНА	13
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Помни войну Русская доля

Лев Алексеевич Исаков

© Лев Алексеевич Исаков, 2019

ISBN 978-5-4496-6744-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

АНОНС – РЕНОМЕ АВТОРУ

В Российской Федерации книги Л. Исакова представля-
ют

Российская Государственная Библиотека

Государственная Публичная Историческая библиотека
России.

Российская национальная библиотека/СПб/.

ФГБУ «Президентская библиотека имени Б.Н.Ельцина» /
СПб/

Библиотека РАН/СПб/.

Научная библиотека Московского Гос. Университета им
Ломоносова.

Научная библиотека Московского университе-
та им. С. Ю. Витте.

Библиотека Московского Педагогического Государствен-
ного Университета

Научная библиотека СПбГУ

Научная библиотека Иркутского университета.

Научная библиотека Крымского федерального универси-
тета имени В. И. Вернадского (НБ КФУ)

Государственная универсальная научная библиотека
Красноярского края.

Астраханская областная научная библиотека.

Новгородская Областная Научная Библиотека.

Омская областная научная библиотека им. А. С. Пушкина.

Псковская областная универсальная научная библиотека.

Псковская городская библиотека.

Тюменская областная научная библиотека.

МЦБС им. М.Ю.Лермонтова/СПб/.

ЦГПБ им. В. В. Маяковского/СПб/

Вятская областная библиотека им. А. И. Герцена.

Рязанская областная научная библиотека им. А. М. Горького.

Мурманская государственная областная универсальная научная библиотека

====***=====

Президентская Библиотека Республики Беларусь приобрела книгу Л. Исакова РУССКАЯ ВОЙНА: ДИЛЕММА КУТУЗОВА-СТАЛИНА.

___*****___

====В ФРГ КНИГИ ПРЕДСТАВЛЯ-

ЮТ=====

**1. Niedersächsische Staats- und Universitätsbibliothek
Göttingen**

SUB Göttingen, 37073 Germany

**2. Deutsche Nationalbibliothek Leipzig / Frankfurt
am Main**

DNB Leipzig / Frankfurt am Main Frankfurt/Main,

60322 Germany

3. [Bayerische Staatsbibliothek](#) München, 80539 Germany

=== Всемирная каталожная система OCLC WorldCat извещает о приобретении книг Л. Исакова своими корпорантами ===

**1. The British Library, St. Pancras
London, NW1 2DB United Kingdom**

**2. Library of Congress
Washington, DC 20540 United States**

**3. [National Library of Sweden](#)
Stockholm, S-102 41 Sweden**

4. Dartmouth College Library
Hanover, NH 03755 United States

5. Harvard University
Harvard College Library
Cambridge, MA 02139 United States

6. Yale University Library
New Haven, CT 06520 United States

7. Columbia University In the City of New York
Columbia University Libraries
New York, NY 10027 United States

8. New York Public Library
New York, NY 10018 United States

9. New York University
Elmer Holmes Bobst Library

New York, NY 10012 United States

10. University of Pittsburgh

Pittsburgh, PA 15260 United States

11. Duke University

Duke University Library;

Durham, NC 27708 United States

12. University of Chicago Library

Chicago, IL 60637 United States

13. University of Illinois at Urbana Champaign

Urbana, IL 61801 United States

14. University of Arizona

Tucson, AZ 85721 United States

15. UC Berkeley Libraries

Berkeley, CA 94720 United States

16. [Indiana University](#)

Bloomington, IN 47405 United States

17. University College London

London, WC1E 6BT United Kingdom

18. University of Toronto Libraries,

130 George Street, Toronto, ONM5S 1A5 Canada

19. [University of Kansas](#)

KU Library

Lawrence, KS 66045 United States

20. [Cornell University Library](#)

Ithaca, NY 14853 United States

21. [International Institute of Social History \(IISG\)](#)

Amsterdam, 1019 AT Netherlands

Кроме того книги Л. Исакова заявлены в каталогах:

22.Библиотека Университета штата Миннесота

/Миннеаполис/.

=====

Предисловие

Эта работа появилась по очень печальному для автора поводу: уже первая моя работа, монография 2012 года «Русская война: Дилемма Кутузова-Сталина» вызвала такое неприятие Академически – Издательского сообщества России, что только её выразительный успех за рубежом, где её восприняли тем, чем она и является, монографическим исследованием в свободной форме Отечественных войн 1812-го и 1941—45 годов, как-то сохранил её в книжном обороте, пусть и в обрезанном под вкусы гг. редакторов издательства «Алетейя» виде. В то же время предполагаемый цикл работ О ВСЕХ ОТЕЧЕСТВЕННЫХ ВОЙНАХ РОССИИ, т.е. тех, в которых противники ставили целью полностью уничтожить политическую дееспособность великорусского социума, вынуждал к поиску других издателей её продолжений, следствием чего стали издания «Русская война: Дилемма Кутузова-Сталина» в полном авторском составе и «Русская война: Утерянные и Потаённые» в Канаде, «Неопалимая Купина» в ФРГ, отечественному читателю недоступные по запредельной цене.

В феврале – марте этого 2019 года в предвидении 9 мая и 78 годовщины победы в ВОВ 1941—1945 годов после 17-летнего перерыва я обратился в редакции Военно-Исторического, Военного журналов, журнала «Наш современ-

ник» с предложением опубликовать мою работу, вошедшую в канадское издание «Русской войны» МАРШАЛ ПОБЕДЫ (Г.К.Жуков) и неизвестную в России. Увы, сегодня уже 14 апреля 2019 года – и полное молчание Редакций гг. И. Чачуха, М. Шоппо, С. Куняева...

Это вынуждает меня соединить в единый сборник 4 работы, опубликованных за рубежом в той форме, которую исходно задавал автор, и издать их от себя.

Из них уже хрестоматийная «Дилемма Кутузова-Сталина» и впервые публикуемая в России «Маршал Победы» обращены к теме ВОВ 1941—45 годов; две другие, «Крымская или Великая Восточная война» и «Цусима», обращены к специфическому явлению только великорусской истории: войнам, ведущимся русским обществом при сознательном пораженчестве «образованных верхов»... Во время чтения имейте в виду, что первые две работы написаны в 1998 и 2002 годах, следующие в 2000 и 2005 соответственно; выдвигая парадигму Либерально-Западнической концепции исторического процесса в России 19—нач. 20-го веков и вынуждая заново обратиться историческому сообществу к их тематике, что определённо отразилось в последующей историографии, вплоть до прямого цитирования основного положения работы «ДИЛЕММА КУТУЗОВА – СТАЛИНА» президентом Российской Федерации В. В. Путиным на Параде Победы 9 мая 2016 года/без упоминания имени автора/. Бог с ним – ДЛЯ МЕНЯ БЕСКОНЕЧНО ДО-

РОЖЕ ВЫСОКАЯ ОЦЕНКА РАБОТЫ ОТ ПОСЛЕДНЕГО
ПОЛКОВОДЦА СССР, ГЕНЕРАЛА АРМИИ ВАЛЕНТИНА
ИВАНОВИЧА ВАРЕННИКОВА 2002 ГОДА, столь редкая
у военачальников, знающих войну, только о ней догадываю-
щимся гражданским историкам...

ДИЛЕММА КУТУЗОВА-СТАЛИНА Гений Сталина – О ВЕЛИКОЙ СВЕРХЗАДАЧЕ 1941 года

ОТЗЫВЫ

=====

Варенников Валентин Иванович/Неповторимое/Книга 7/
Часть 11/Глава 1

~~~~~
В журнале «Слово» (2002, №2) помещена статья историка Льва Алексеевича Исакова. Это анализ деятельности Сталина с глубокими и философскими выкладками. Статья касается предвоенного и начального периода войны. Меня она порадовала не только тем, что наши взгляды с автором совпадают, но он, автор, обладая уникальным материалом и личным даром, классически все это подал читателю.

Входя мысленно в контакт с Исаковым, я разделяю его два принципиальных положения (и это новое в историографии).

Первое положение – это то, что Красная Армия еще не могла в 1941 году успешно противостоять вермахту, в том числе отразить первый удар и не допустить вторже-

ния противника.

Второе принципиальное положение, которое выдвинуто Л. А. Исаковым и с которым я согласен, – это сосредоточение Сталиным основных усилий в момент нападения Гитлера на Советский Союз не на спасении первого стратегического эшелона Красной Армии, а на спасении и эвакуации оборонной промышленности и других военных объектов (типа военных училищ) из Европейской части СССР на Урал и в Сибирь.

Можно даже сказать, – жертвывая первым стратегическим эшелоном Красной Армии, Сталин решил судьбоносную задачу для страны – сохранил военно-экономический потенциал, который смог затем обеспечить всем необходимым главные силы Красной Армии и тем самым обеспечить победу над немецко-фашистскими захватчиками.

*Герой Советского Союза, генерал армии
Валентин Варенников,
президент Российской ассоциации Героев Советского Сою-
юза,
Героев России и кавалеров ордена Славы трех степеней.*

=====

Две войны в российской истории, 1812—1813гг. и 1941—1945гг., удостоились великой чести быть провозглашёнными Отечественными. Их сближает и значение в национальной судьбе евразийских народов, и многие внешние детали

и обстоятельства, да и некоторый совпадающий внутренний смысл событий.

Они – явления международные, особенно вторая, и глубоко национальные, интимно-тайные; прокатившиеся в громе – и тишине, в явленности – и мраке.

Можно сказать, мы так и не знаем, даже привлекая художественно-психологический гений Льва Толстого и изумительную военную одарённость Карла Клаузевица, величайших мыслителей тайны духа и Молоха войны, писавших о 1812 году, – что думал и положил в своей душе М. И. Кутузов на Бородинском поле, с чем он ехал к армии за пару недель до того и какой мерой оценивал он события, когда гнал и щадил, истреблял и пособлял Наполеону на страшной Смоленской дороге, уничтожал дивизии и корпуса, губил тьмы и тысячи к выпускал последний десяток, сотенку, конвойчик.

Мы не разгадали даже очевидных, наяву и зримо поставленных загадок 1812 года:

– причины выдвигания Шевардинского редута на Бородинском поле;

– явную нецелесообразность распределения сил между Барклаем и Багратионом;

– и наконец, в связи с этим, как же всё-таки собирался осуществить «своё» сражение М.И.Кутузов без вмешательства провидчества Наполеона и насколько французский военный гений нарушил эти замыслы, и нарушил ли вообще,

если оно состоялось и имело обескураживающий результат.

Великий военный мыслитель, замечательный умница гегелевского типа Карл Клаузевиц, подводя итоги исследования войны в своей работе «1812 год» и с научной добро-совестностью установив и доказав, что действия русского главнокомандующего были зачастую неправильны, в основ-ном неглубоки и нередко хрестоматийно ошибочны, завер-шает её ёрнической фразой, показывающей его превосходство как исследователя и честного наблюдателя над ослеп-лёнными собственными построениями педантами-критика-ми «... Но если в результате этих ошибочных действий Напо-леон потерял 450 тысяч войска, всю конницу и артиллерию и вернулся в Европу едва с 10—12 тысячами боеспособной массы, значит Кутузов поступал правильно, даже и вопреки стратегии».

Мы крайне мало осознали М.И.Кутузова в единстве раз-нородного богатства всей его деятельности; где и когда он поступал не как европейски образованный генерал, а как мудрый старец-вождь, знающий своё беспокойное племя (о чём очень пронизательно пишет Клаузевиц «с точки зре-ния стратегии Бородино было поражением – Кутузов объ-явил о победе, и учитывая воздействие его манифеста на об-щество, надо признать, он лучше знал свой народ»); мы толь-ко нащупываем и мямлим, что в действиях великого стари-ка был не только военный, но и политический смысл, без вскрытия и оценки которого нам не ясна вполне вся кар-

тина войны; мы не знаем, как сказалась на них Павловская доктрина русско-французского альянса начала 1800-х годов, одним из немногих преданных сторонников императора – творца которой был М.И.Кутузов – мы не знаем многого!

Но главное содержание военной драмы лета 1812 года установлено и очевидно – используя территориальный фактор, обеспеченный глубоким укрытием жизненно важных национальных центров внутри государства и нечувствительностью феодально-сословного населения к буржуазно-либеральной пропаганде, раскатать французскую армию по великой восточно-европейской равнине среди враждебного ей по духу (вспомните рассказ Стендаля «Штурм редута», который интендантом Анри Бейлем прошел кампанию 1812г.), вере, языку, обычаям, темпераменту населения, завлекая вглубь страны и там обрушить на неё, ослабленную непосильной коммуникационной линией, решающий удар. Об этом говорил в 1811 году Александр I Коленкуру, это знал и явил в своих действиях разумный и твёрдый М.Б.Барклай-де-Толли, это тем более было близко М.И.Кутузову, в своей военной практике, ещё в пору Австрийского похода обнаружившего особое дарование к использованию времени и пространства – это в тесной-то Европе! Теперь у него был в распоряжении весь Евразийский континент... И только одна заноза впиалась в фалду его сюртука и в сердце – Москва! И он её вырвал – только когда? После потери Смоленска? Или только после Бородина? Было ли оно ри-

туальной гекатомбой или чем-то более великим, утверждением в национальном самосознании традиции «За Москву враг всегда платит!»; или преобладали чисто военные соображения, привлекая внимание Наполеона перспективой генерального сражения, увлечь его к одному пункту, скрыв другие цели и возможности, оторвав от опасных, по начальному превосходству завоевателя, действий на периферии – ведь по итогу из 600-тысячной армии в августе активно действовали где-то 160—180 тысяч, а потом и менее 100 тыс... Крылья замерли и опали, что полностью освободило Витгенштейна и Чичагова для выхода на коммуникации основной московской группировки Наполеона... А может, и всё вместе – но общий смысл событий был очевиден!

* * * * *

Грандиозная драма 1941—45 гг. была бесконечно выше, величественней, надрывно-предельней, – можно сказать, что все события Первой Отечественной, от неманской переправы утра 12 (24) июня до Малоярославского поля, отложились в её первом году – а впереди было ещё четыре...

Но как мало, смутно, несообразно непропорционально знаем мы о смысле этого первого года в отношении той чудовищной горы фактов едва ли не о каждой минуте этих дней лета – осени 1941 г. Ошеломляющий поток событий не прояснен, не упорядочен, не вскрыт в основе своего стержня, той единой пронизывающей ноты, что касается содержания всех событий и, неуловимо гениальная, меняет их смысл

относительно внешней данности и приводит к итогу, ещё более обескураживающему, чем Бородино. Мы были несомненно и безусловно поражены летом 1941 года, наша кадровая армия мирного времени, в значительной своей массе с двух-трехлетней выучкой, многочисленная, добротная, богато снабжённая техническими средствами была разгромлена, а соотношение потерь убитыми и пленными (800 тыс. - 3300 тыс.) – классический, хрестоматийно затасканный показатель надлома воинского духа – прямо свидетельствовал о далеко зашедшем поражённости (сравните Бородино 1812 года – 43500 убитых и 1000 (!) пленных). Далее уже были истребительные батальоны, ополчение... и вдруг чудо 4—6 декабря, когда войска, терпевшие поражения при полугодичном превосходстве громят равного и даже большего по численности неприятеля, когда в хаосе выступила воля, а безумная буря опала, открыв завершающий неожиданный итог.

Что было тем фактором, вокруг которого и за обладание которым происходила главная скрытая борьба, та невидимая коллизия событий, которая подводила к моменту, когда висящее на сцене в 1-м акте ружьё выстрелило в 4-м?

Можно сказать, что всё написанное о 1941 годе есть просто «бессмысленная» регистрация событий, что было там-то и там-то в то-то и то-то время, а бессильное теоретизирование, скорее раздражает своей беззубостью, лучше уж простая констатация фактов типа «что дождь идёт летом, а снег

зимой», она, по крайней мере, показывает зияющую пустоту обобщений, подвигая на более глубокие размышления, нежели те, что есть в наличии, те, что, не проясняя смысла события, топят его в глубине пустословного моря.

Да, Великой Отечественной не повезло – её не живописал Лев Толстой, в её хитросплетениях не разобрался Клаузевиц, её скорее брали количеством, а не качеством авторов; отечественная историография находилась на откупе у сонма узурпировавших её тему политиков, тянувших одеяло событий на себя, один под Киев, другой на Малую землю; западная историография старательно-пристрастно замалчивала, боясь раскрыть её значение во всемирном масштабе более, нежели естественных аберраций и бессмыслиц отрабатываемой концепции всемирно-исторического процесса 40—50гг., возникавших вследствие неучёта её фактора (характерно название американского сериала о Великой Отечественной войне в 1980-х годах «Эта неизвестная война на Востоке»).

Но та дикая галиматья, в которой оказалась отечественная политика и история в конце 20-го века, та явленная нам картина Бедлама всех институтов и идеогем настоятельно требуют историософски, а не исторически, то есть с точки зрения того, что было истиной в отличие от того, что представлялось истиной когда-то для участников событий, осмыслить подоплёку драмы лета 41-го года, когда накренилась вся великая плита евразийской государственности и цивилизации,

в обретении столь нужных нам уроков и ориентиров в условиях её нового крушения.

Кто был в центре событий 1941 года? Кто был Александром I и Кутузовым, Политическим лидером и Национальным главнокомандующим в одном лице? Кто был сознательным дирижёром или бессознательным какофонистом той мелодии, что разыгрывалась над великой восточно-европейской равниной? – Иосиф Сталин!

Именно от него как от центра надо исходить в попытке уловить смысл событий, здесь, вокруг него, они сгущались, стягивались, бугрились в шаржированной обобщённости, отсюда уходили, ослабевая и индивидуализируясь.

Какую главную для себя задачу решал и, как показывает итог войны, решил И.В.Сталин в отчаянные дни лета 1941 года? Что было для него тем рычагом, ухватившись за который он полагал изменить ход событий, – о чём никогда не говорил, не называл, и только изредка обрывал слишком назойливых комментаторов своих действий после войны, и особенно тех из них, кто проводил тождество его стратегии 1941 года кутузовской линии 1812-го – эта столь подходившая к утверждавшемуся стереотипу «величайшего полководца всех времён и народов» побасенка, кажется, его особенно раздражала, известно его высказывание, которое по смыслу её перечёркивает «наше отступление было не следствием свободного выбора, а тяжёлой необходимостью».

Чтобы сделать какой-то вывод или, по крайней мере, отбросить кое-что из набравшейся исторической шелухи, особенно последних лет, следует рассмотреть хотя бы главные обстоятельства, предшествовавшие 1941 году, объективно или субъективно повлиявшие на принимаемые тогда решения и проводимые действия, – иные из них уже сами отбросят часть вороха околонуточных домыслов.

Зададимся и ответим на несколько вопросов.

* * Была ли для Сталина 2-я Мировая война неожиданной в общем плане?

Позвольте напомнить в век дилетантов с лагерно-математическим, танково-идеологическим и органно-философским образованием, в настоящее время предъявляемыми обществу как «историки», на худой конец как «мыслители» ряд прописных для цензового профессионального преподавателя курса гражданской истории фактов генезиса 2 Мировой войны.

1915 год – в секретном меморандуме членам кабинета министр иностранных дел Великобритании лорд Э. Грей доводит до сведения коллег, что целью Англии на послевоенный период является безусловное недопущение России к Черноморским проливам, только что ей обещанным. Это делало неизбежной военную схватку между двух держав в обозримом будущем. Даже слабая, трусливая итальянская буржуазия, «не допущенная» после войны на Балканы и в Африку, ответила Англии и Франции Бенито Муссолини и вой-

ной – тем более неизмеримо более могущественная российская буржуазия. Новый раскол мира был заявлен.

1916г. – Германский Генеральный Штаб (знаменитый Большой Штаб Мольтке и Шлиффена) приходит к выводу, что изменившиеся цели Германии – слом национальных суверенитетов в Европе и установление безусловного германского преобладания – не могут быть достигнуты в идущей мировой войне и необходима еще одна всемирная схватка. Нельзя не восхищаться непреклонной последовательностью этих парней – ещё не кончена одна война, гремит тысячеголовая артиллерия на Сомме – а они планируют новую! Да что там планируют – начинают готовить! После войны победители были очень озадачены, обнаружив огромные высеченные штольни в скальных кряжах Лотарингии и непонятный канал, начатый постройкой в Бельгии. Только в 1945 году, когда все документы Большого Штаба стали доступны обозрению, открылось, что Лотарингские подземелья предназначались под стратегические накопительные склады боеприпасов 2-й мировой войны, а по бельгийскому каналу в её случае должна была быть подвезена сверхтяжелая артиллерия на баржах для организации береговой обороны и бомбардировок Англии.

1921г. – В.И.Ленин, оценивая в канун Генуэзской конференции угрозу совместного выступления капиталистических держав против Советской России в случае неприятия ультиматума о долгах, устанавливает её беспочвенность, т.к. нали-

до глубочайший раскол западных стран, а отношения Японии и США на Тихом океане достигли такой степени антагонизма, что могут быть разрешены только войной.

1927г. – Молодой капитан американской армии Д. Эйзенхауэр, только что женившийся на очаровательной девушке и тяготясь небогатым офицерским жалованьем и службой в малярийных болотах Панамы, обращается с вопросом к своему начальнику, известному генералу Скотту, имеет ли перспективы армейская служба. Всю ночь при свете керосиновой лампы, расхаживая по палатке перед молодым офицером, маститый военачальник делает вслух оценку ситуации в мире и приходит к заключению – не позже 12 лет 2 мировая война неизбежна. Армейский опыт в этих условиях становится бесценным капиталом. Как известно, в 1939 году Д. Эйзенхауэр был единственным полковником американской армии, имевшим опыт управления бронетанковыми частями, что за 4 года подняло его от рядового старшего офицера до четырёхзвёздного генерала и главнокомандующего вооружёнными силами 12 государств в Европе!

1930г. – Имперский генеральный штаб Великобритании не продлевает своего очередного моратория «10 лет без войны», признавая её реальную возможность.

1934г. – Рейхсканцлер А. Гитлер ставит директиву перед военно-промышленными органами Германии начать непосредственную планомерную подготовку к войне, рассчитанную на 5 лет со сроком безусловной готовности на конец

1939 года, которой подчинить все ресурсы, организацию, пропаганду. Это решение бесповоротно – если война не начнётся в указанный срок, Германию ждёт финансовый крах в том же 1939 году.

Само разнообразие свидетельств, из разных лагерей, от разных лиц, на разных уровнях – от политического до бытового, – отвергает предположение, что для И. Сталина в стратегическом плане война была неожиданна.

Ещё одна особенность в этих свидетельствах – война признавалась реальностью, её предвидели и Ленин, и Скотт не на основе анализа межсистемных «коммунизм – капитализм», а, оценивая внутрисистемные противоречия капиталистического мира, т.е. она не могла быть остановлена единоличной волей СССР и не была ему генетически подконтрольна. Мог ли это не знать Сталин? Конечно, нет, вся его внешняя политика 30-х годов – восстановление концерта с «сытыми миролюбцами» старой Антанты. В этом и только в этом, в создании системы коллективной безопасности видел он гарантию предотвращения войны. И. Сталин и его креатура М. Литвинов, безусловно, различали «застрельщиков» и «заднескамеечников» военного сползания 30-х годов, «демократов» и «фашистов». Это не была только «линия Литвинова», их близость была больше общепризнанной, ещё с 1900-х годов, когда М. Литвинов осуществлял в боевой организации

РСДРП (б) техническую, а И. Сталин организационную

подготовку переброски оружия и проведения экспроприаций на цели революции, а позже сплочённо выступали против Л. Троцкого, который весьма проклинал Литвинова и Красина в своих мемуарах. В сущности, это было уже прямое сопоставление себя с одним из лагерей складывавшегося военного раскола мира.

Характерный эпизод 1936 года. 18 июля 1936г. начался фашистский мятеж против правительства буржуазно-демократического Народного Фронта в Испании. Уже через несколько дней стало ясно, что за спиной мятежников стоят Германия и Италия. Скорее всего, Сталин знал это с самого начала – в середине 30-х годов для нас в Берлине и Риме не было тайн. В начале августа 1936г. в Кремле состоялось крайне узкое совещание под председательством В. Молотова с участием И. Сталина, которое решало вопрос о целесообразности вмешательства в испанские события и возможных формах помощи ей. Общая политическая оценка была единой – Пиренейский полуостров становился испытательным полем фашизма, тем трамплином, откуда он начнёт свой прыжок на подрыв сложившегося равновесия в международных отношениях – и поражение его здесь, в самом начале агрессивного рывка, будет иметь самые благотворные последствия, в том числе и для СССР. Участники совещания, в основном, склонялись к мысли, что сама республиканская Испания, военная организация которой предельно ослаблена расколом общества с начала гражданской войны,

а техническое оснащение замерло на уровне 1900—1914 гг., боевой же опыт и традиции основываются едва ли не на испано-американской кампании 1898—1900 гг., не сможет устоять перед согласованным вторжением двух первоклассных военных держав – Германии и Италии. Из двух возможных вариантов помощи:

- ограничиться военным снабжением и посылкой добровольцев-инструкторов;

- прямо включиться в события, направив экспедиционный корпус и взяв на себя военно-техническое обеспечение боевых действий республиканцев;

большинство высказалось за второе. Попутно выявилась политическая и техническая возможность посылки и поддержки снабжением экспедиционных сил в 5—7 дивизий, достаточных для обеспечения военного преобладания республиканцев и стабилизации международной обстановки вокруг Испании.

В этих условиях резким диссонансом прозвучало выступление маршала Тухачевского, ответственного за боеготовность РККА как начальника вооружений и председателя комиссии по военной реформе и уставам, заявившего, что штатные полнокровные соединения посылать в Испанию не следует, так как они «покажут там не только сильные, но и слабые стороны Красной Армии», что прозвучало, как заявление о неготовности вооружённых сил в боевом смысле, что совершенно не соответствовало действительности.

Вплоть до осени 1938 года РККА имела равноценную материальную часть с германскими ВВС при превосходстве над итальянскими. В воздушных боях основной советский истребитель И-16 17-го типа, имея равную скорость с лучшим немецким истребителем Me-109В, превосходил его по вооружению и маневренности, обстановка начала меняться только с появлением в конце войны в Испании пушечного Me-109Е. На земле же советские пушечные танки БТ-5 и Т-26 прямо-таки подавляли своим превосходством немецкие и итальянские пулемётные Т1, Т2, «Ансальдо». Организация же немецких вооружённых сил в 1935-36 гг. была «детской», едва ли не «ясельной», что обнаружили страшные конфузы во время вступления в Саар и Австрию, после которых распавшиеся, из-за отсутствия опыта вождения войск комсоставом, дивизии по несколько дней приходилось искать и собирать вдоль дорог с помощью полиции. Итальянская же армия – по старому генштабистскому анекдоту – во все времена существовала для того, чтобы было кого побеждать австрийцам.

Выступление Тухачевского оказало серьёзное действие, после него совещание «увяло», каких-либо решений принято не было, что означало фактическое принятие первого варианта «капельницы для умирающего». Воздадим должное нашему герою, в августе 1936 года Михаил Тухачевский отвёл от Адольфа Гитлера самую опасную в его восхождении угрозу потерпеть поражение, когда для германских элит он

был ещё тёмной лошадкой, едва не выскочкой, и ещё не стал идолом германского обывателя. Но именно с этого совещания начался отсчёт его последних дней – Сталин поднял и держал его на таком посту не для того, чтобы в крайне острый политический момент узнать о неготовности армии.

* * * Осознавалось ли приближение войны И.В.Сталиным как некая реальность в составе прочих или как неотвратимая страшная неизбежность? Что было в его сознании: «Если будет... Если будет» или – «Будет! Будет! Будет!» Принимались ли в связи с этим меры «вообще», «по способности» или делалось абсолютно всё возможное в её предвидении?

Лучше всего об этом говорит материал структурного социально-экономического рывка СССР в 20-е – 40-е годы. Исключая, может быть, 1926—28гг., когда чисто военная сторона экономического строительства могла быть сведена к естественной модернизации вооружённых сил, всё межвоенное развитие общества и экономики происходило при ярчайшем высвечивании чисто оборонной, грядущей схваткой определяемой, задачи.

Все наши довоенные пятилетки имели специальную военную направленность. Так:

– в задачу 1-й пятилетки (1928—32гг.) ставилось создание вооружённых сил, обеспечивающих превосходство над самой крупной военной державой капиталистического мира (в тот момент Францией);

– в задачу 2-й пятилетки (1933—37гг.) ставилось созда-

ние военного потенциала, обеспечивавшего превосходство над коалицией 2—3 крупнейших в военном отношении капиталистических государств при условии, что столкновение ограничится одним военным театром, Европейским или Азиатским;

– в задачу 3-й пятилетки (1938—42гг.) ставилось создание военного потенциала, обеспечивавшего превосходство над любой возможной комбинацией крупнейших в военном отношении государств капиталистического мира при любых вероятных вариантах борьбы на всех театрах военных действий.

Реальная схватка 1941—45гг. произошла – учитывая объединение почти всего военного потенциала Европы в руках Германии и постоянную, хотя и не осуществившуюся угрозу со стороны Японии – по промежуточному – «двухсполовинному» варианту, и итоги войны показывают, что планировщики 20-х – 40-х годов заложили в свои расчеты реальные цифры.

Более того, оборонной задаче было подчинено все остальное строительство. Все наши новые предприятия закладывались как производства двойного назначения – мирного и военного. Так:

– заводы сельскохозяйственного машиностроения проектировались по профилю авиационного;

– заводы среднего машиностроения по профилю артиллерийского и миномётного;

- автомобильные заводы по профилю производства бронемашин и лёгких танков;
- тракторные по профилю средних и тяжёлых танков;
- хлебные элеваторы как пороховые производства;
- макаронные фабрики как производства ультрамедленногорящих порохов для дальнобойной и морской артиллерии;
- папиросные фабрики как патронные производства;
- патефонные заводы как производства мин;
- часовые заводы как производства взрывателей.

На этих заводах заранее организовывались технологические потоки, комплектовалось оборудование, оснастка, создавались вспомогательные производства, укомплектовывался персонал инженерно-технических служб, сосредотачивались расходные и длительные запасы с учётом их обоих назначений.

Американские инженеры потешались над заказчиком, который требовал в проектах пролётов Сталинградского тракторного завода учесть 50-тонные нагрузки вместо обычных 5-7-тонных, что до крайности удорожало строительство, делало производство малорентабельным. Они не догадывались, что эти пролёты должны были принимать на себя не вес тракторов, а вес тяжёлых танков.

Все 10000 предприятий, построенные за две с половиной предвоенные пятилетки, были нацелены на оборонное производство, и, будучи не всегда рентабельны как автомобиль-

ные, комбайновые, тракторные, они были эффективны как артиллерийские, авиационные, танковые.

Такой планомерной, всеобъемлющей милитаризации промышленности и сельского хозяйства – ведь те же МТС это полная предмобилизационная готовность всего авто-тракторного парка страны – не знает всемирная экономическая история, и сверхусилия Германии 1935—39 гг. на её фоне выглядят скромно.

В результате этой работы советская экономика приобрела фантастическую управляемость и маневренность, способность почти мгновенно развернуть военное производство. Если мобилизация промышленности Великобритании потребовала 22 месяца, из них 9 месяцев без прямого воздействия неприятеля, если экономика США, не затронутая войной, мобилизовалась за 36 месяцев, то экономика СССР, при прямом воздействии войны, мобилизовалась за 3—4 месяца по основным производствам и за 7 полностью. Никакой сверхэнтузиазм, штурмовщина, порыв не могли обеспечить такого результата без этой гигантской планомерной работы довоенных лет. И только при полном осознании неизбежности войны она могла быть принята, запущена и осуществлена.

И если бы она не была произведена в Советском Союзе, кто бы её произвёл в мире? А без неё – что бы остановило А. Гитлера и горевших энтузиазмом мирового господства панцер-бестий самой воинственной нации 20-го века? В этой ра-

боте, единственно возможной тогда только в СССР, закладывалось спасение мира – и только Одна Шестая могла её осуществить по состоянию, традициям, устремлениям общества и, добавим, провидению её вождя.

Крупнейшим стратегическим решением И. Сталина той поры стало резкое форсирование темпов индустриализации с начала мирового экономического кризиса 1929—32гг. Всемирная экономическая катастрофа резко осложнила обстановку для СССР. С одной стороны, крайне усилилась неустойчивость всего международного положения, мировая «теснота» капитала будила поиск «свободных зон» и «пространств», выносила на поверхность крайние шовинистические течения, получившие массовую социальную базу в лице выбитой из колеи, озлобленной против Государства, Бога и Соседа, массе.

С другой стороны, кризис в первый и последний раз открыл перед нами мировые рынки передовой техники и технологий, не завалывшихся, перезрелых – новеньких, пахнущих лабораторной краской и сверкающих конструкторской белизной. Бессилие ошалевших буржуазных государств, судорога зоологического пароксизма страха, пронизывающая капитал, раскрыла перед нами двери цехов, КБ, плазов, сняла занавески над кульманами, раскрыла лабораторные журналы.

В очередь на советские заказы стали «Ф. Крупп» и «Де-маг», «Маннесманн» и «Прагт энд Уитни», «Рено-Кодрон»

и «Фоккер», свои новейшие изделия предлагали на продажу Мессершмитт, Дуглас, Хейнкель, Кристи, Ройс – мировая техническая элита. Открывалась возможность выкачать весь задел из портфелей и мозгов Европы и Америки, но не далее 2—3 лет, положенных кризисом.

И Сталин это осуществил, бросив на приобретение бесценного опыта и оборудования временно оказавшегося бесхозным всё, до последнего грамма золотого запаса, экспортного килограмма зерна, штуки вывозимого яйца. В 1932 году в условиях, когда стихия кризиса начинает ослабевать, знаменуя конец режима доступности, он в последнем усилии вырвать из Запада всё, что только нужно и можно было взять, резко увеличивает продовольственный экспорт. В корче и ужасе умирающих голодной смертью детей, людоедстве безумного одичания взрослых шёл поток технического импорта этого года. Сама жестокость этого события прямо утверждала – Сталин осознавал войну как данность неизбежную и неустранимую, только в безусловной уверенности мог он осуществить это действие – первую битву нескорой ещё военной драмы, более тяжёлую, чем грядущие сражения, которую он должен был выиграть у собственного народа, взяв у небогатых необходимое ради того, что ещё не осознавалось.

Но поток оборудования, патентов, технологий, хлынувший в страну, требовал
инфраструктуры, корпусов, персонала – ждать возведе-

ния новых площадок, коммуникаций, образования квалифицированных кадров в разбуженных медвежьих углах значило на 3—4 года омертвить приобретённый капитал, заморозив при этом в существующем состоянии имеющийся потенциал изъятием огромных средств на импортные закупки, т.е. получить результат, обратный тому, которого добились. То есть его приходилось устанавливать, развёртывать, пускать не в новых центрах на Востоке, итогов работы которых следовало ждать через 5—7 лет (т.е. не ранее 1938—39гг.), а в старых на Западе, на существующих площадках, в районах концентрации рабочей силы, интеллекта, навыков, не уменьшая, а, увеличивая уязвимость территориального размещения военной промышленности, к западным центрам которой тяготели не только дореволюционные военные производства, но и привязывались новые, впервые развёртываемые, например, алюминиевые комбинаты Волхова и Днепропетровска, авиамоторные, танковые и авиационные производства Харькова, военная химия, специальная металлургия, тяжёлое машиностроение Запорожья, Мариуполя, Таганрога, точная механика Ленинграда, ограничивая их размещение на восток линией Волги. Это не было делом свободного выбора – это была диктуемая всем комплексом сверхиндустриализации в предельно краткий (9—10 лет) срок необходимость и неизбежность.

Мы вступили в войну, имея 1-й в мире авиационный и танковый парк (16600 и 17300 единиц) и 2-й

артиллерийский (63100 единиц – сказались последствия борьбы М.Н.Тухачевского с «морально устаревшим родом войск» вплоть до прекращения в 1934—35гг. всех опытно-конструкторских работ и закрытия артиллерийского КБ). Сколько танков и самолётов имела бы РККА на 22 июня 1941 года, если бы их производство вместо 1933—34гг. было бы развёрнуто в 1938—39гг., ведь с 1934 по 1939 год мы ежегодно производили только танков по 3—3,5 тысячи? И какого качества были бы наши конструкторы и их разработки, если даже при развёрнутом устоявшемся производстве понадобилось 5—6 лет, прежде чем они стали законодателями мировой танковой и авиационной моды (Т-34, КВ и Ил-2 появились летом-осенью 1939 года)?

Давала ли эта лавина вооружений надежды на безопасность, связанную с чисто количественным фактором «да у них... – да у нас...»? Да! Но не сохранялось ли в осторожном и зорком уме ощущения какой-то шаткости, неустойчивости, необеспеченности такого положения, когда военная промышленность притянута к самой опасной западной границе, молчаливого присутствия того инстинктивного вопроса «А что, если...», который возникает вне какой-либо связи с обстановкой, не столько в разуме, сколько в чувстве, подобно тому, который начинает роиться при взгляде в пропасть даже из-за надёжного парашюта: «А вдруг не выдержит?»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.